

ЗАКРЫТЬ двери машины мы не успели, да и какой был смысл прятаться от десятка измазанных в краске рук, когда наши пасхально-белые рубашки давно уже превратились в затейливый, переливающийся всеми цветами радуги наряд начинающего маляра. Покорно сдавшись на милость окружавших нас самобитных художников, мы уже через минуту являли собой шедевр «абстрактной живописи». Лишь после этого можно было спокойно выйти из машины и продолжить неожиданно прерванное путешествие по Чандни-Чоку.

Здесь, на окраинной улице индийской столицы, мы были не впервые. Но каждый раз поражались тому, как многообразен Чандни-Чок, до отказа набитый мелкими лавчонками, рестораничками, какими-то мастерскими, ветхими, покосившимися на бок строениями, в которых, говорят, обитали еще подданные Великих Моголов.

В тот день было начало «Холи», и где еще, как не в старом Дели, на Чандни-Чоке, ревниво оберегающем традиции глубокой старины от стремительного натиска атомного века, этот веселый праздник весны и счастья отмечают так, как и многие столетия назад, — поливая красками всех и вся. Стены, крыши домов, мостовые, тротуары стали огромным холстом, создатели которого — сотни, тысячи «самодеятельных живописцев».

Но Чандни-Чок помнит и другие краски. Его пыльная мостовая, сдавленная убогими фасадами мрачных домов, была забрызгана сгустками крови; над неприглядно пустынной улицей гремели слова приговоров, и под тяжестью обмякших тел толстые веревки звенели, как тетива.

А к виселицам, наспех сколоченным вдоль обеих сторон улицы, подвешивали все новые и новые группы измученных людей со следами страшных пыток на теле.

То был конец 50-х годов прошлого столетия, трагический конец грандиозного восстания сипаев, с неслыханной, чудовищной жестокостью подавленного английского колониальными властями.

Чандни-Чок, многим казавшийся сонным, равнодушным ко всему, очутился в самом центре борьбы за независимость.

...Ему уже за девяносто, этому седому старику, с трудом поднимавшемуся нам навстречу. Он плохо видит и почти никогда не выходит из своего дома, затеря-

ного в тесных лабиринтах Чандни-Чока. Старика зовут Хануман Сахаи, и то, что рассказывает он нам сейчас, сидя в уютных подушках потемневшего от времени кресла, — один из эпизодов славной борьбы индийского народа за свою свободу.

Его поблекшие глаза, которые он устало прикрывает морщинистой ладонью от неяркого солнечного света, пробивающегося в открытую дверь, загораются гордостью, когда речь заходит о том дне, 23 декабря 1912 года.

...Многотысячную толпу любопытных буквально вдавили в стены домов мощные кордоны полиции. Бешеные деньги — едва ли не 300 рупий — платили те, кто хотел полюбоваться въездом в Дели, ставший недавно столицей крупнейшей колонии Британской империи, вице-короля Индии лорда Хардинга. Огромная пышная процессия растянулась на весь Чандни-Чок, избранный местом «триумфального» шествия.

— Это была прямо-таки «тамаша» — маскарад. Представьте: разукрашенный слон, и на нем в золоченом кресле, уподобившись махараджам, величественно восседает вице-король, за ним слуга в ливрее с невероятных размеров зонтиком, оберегающим от солнцепека макушку высочайшей особы.

Резкий взрыв сорвал пелену фальшивого веселья. Паническая тишина затопила Чандни-Чок, и слышны были лишь хриплые стоны корчившегося от боли Хардинга да глухой стук падавших на искореженные булыжники мостовой обломков золоченого кресла.

— Нет, мы не были террористами, мы были революционерами, отказавшимися от всего в своей жизни ради единственной цели — освобождения Индии. Мы планировали эту акцию не для того, чтобы уничтожить вице-короля. Наша революционная группа хотела доказать англичанам, что они, в сущности, ничего не добьются, переводя столицу Индии из Калькутты в Дели в поисках безопасного убежища: их и здесь постигнет гневная месть патриотов...

В тени раскидистых платанов на территории делийского медицинского колледжа, там, где при колонизаторах была городская тюрьма, — небольшой мраморный обелиск. Он сооружен в память соратников Сахаи, в память тех, кто погиб, не усомнившись в правоте своего дела, с единственной мыслью о будущем счастье мно-

гострадаальной Индии. Их имена сейчас известны всем.

Чандни-Чок просыпается рано. Всего полчаса назад первые лучи солнца выхватили из темноты сонные, мутные окна домов, а Чандни-Чок, скинув с себя душевное покрывало южной ночи, уже начал трудовой день.

«Мэм-сааб, бачо! Бабуджи, бачо!» — «Поберегись!» — рикши, обгоняя друг друга, расталкивая зевающих прохожих, мчатся сквозь нарастающий шум пробуждающейся улицы. Со скрежетом скользят вверх гофрированные жалюзи магазинов, всевозможных «Гурприт Сингх: лучшие, самые надежные замки» или «Азиз Ах-

УЛИЦА ЛУННОГО СВЕТА

А. ШАЛЬНЕВ

Корреспондент ТАСС в Индии

мед: специализация — кожгалантерея». Несутся над Чандни-Чоком пронзительные крики зазывал.

Длинная очередь выстроилась вдоль тротуара, где, удобно подогнув под себя ноги, ловко орудует бритвой уличный парикмахер. А вот представитель другой, неведомой нам профессии — чистильщик ушей. Эта «экзотичность» и заставила нас поговорить с ним. Посетовав на свою судьбу, которая в день посылает ему не больше двух-трех рупий, Качеру горестно затаился замусоленным сигаретным окурком и озабоченно произнес: «Отживает мое ремесло. Вот так сижу в этом пекле с утра до вечера,

подойдет человек шесть-семь, я уже и рад. Вон, штуквин этих понаставили везде... — Он мрачно махнул рукой в сторону водоразборной колонки, где, поднимая тучи брызг, плескались ребяташки. — Кому я теперь нужен? Да и самому мне, откровенно говоря, надоело в безделье целые дни просиживать. Но ведь раньше куда можно было пристроиться? Туда сунуться — не принимают: не обученный ты, мол, ничему, сюда — говорят: «К нам, знаешь, сколько таких, как ты, каждый день приходит!». Вот и не оставалось ничего, как в чистильщики ушей податься. А сейчас, думаю, работу полегче будет подыскать.

мешь маниловскими лозунгами о «ликвидации безработицы путем создания атомной бомбы» — лозунгами, которые щедро кидали направо и налево кандидаты «Джан сангх». Да и воинствующий клич «Индианизация!», вырывавшийся из охрипших глоток религиозных мракобесов, был еле слышен в мощном хоре голосов тех, что отстаивает мир между общинами. Сейчас, когда джан-сангховец Шалвала с треском вылетел из парламента, где он устроился уже совсем по-домашнему, многие изумляются тому, как раньше мог избрать его своим депутатом Чандни-Чок, вобравший в себя представителей почти

дадим попирать священные чувства индусов!». Шалвала и в этот раз все надрывался: «Запретим!.. Не дадим!..». Но только я теперь ученый, достаточно насмотрелся и наслушался за те четыре года, что Шалвала в парламенте просидел. Мне иногда казалось, что не стал бы «Джан сангх» и возиться с этими коровами, если бы не помогало это ему добиваться совершенно другого... Сколько раз выходило так, что какая-то ссора на улице превращалась в кровавую потасовку, и причем всегда либо мусульмане шли на индусов, либо индусы на мусульман. Вот и получается, что «Джан сангх» хотел запретить

Когда смотришь на коров, величественно ступающих по городским улицам, кажется, будто они догадываются о своем высоком религиозном предназначении.

Фото А. Предыбайло

Ночные раздумья. Впереди еще один трудный день...

Фото А. Шальнева

Не зря же я за Ганди голосовал, я верю ей, уж если сказала: дам работу каждому из вас, так и будет».

Беседуя с торговцами, ремесленниками — а ведь, по существу, только ими и заселен Чандни-Чок, — мы обращали внимание на одну весьма примечательную деталь: почти для каждого из них будущее непременно ассоциировалось с победой Национального конгресса на недавних парламентских выборах. Чандни-Чок стал разборчивей: его уже не прой-

всех религий, какие только распространены в Индии.

Интересно, как сами чандничковцы объясняют подобный парадокс. Взять, к примеру, Рама Даса.

— Мне сейчас стыдно признаваться в этом, — Дас с трудом выдавил из себя эту фразу, — но в 1967 году я голосовал за «Джан сангх»... Я индус, — помолчав, добавил он, — и вы, наверное, могли бы понять мое состояние, когда Шалвала громыхал на всю улицу: «Запретим убой коров, не

убой коров, чтобы «не обижать священных чувств индусов», а что будет с самими индусами или с мусульманами, его мало интересовало...

Густая ночь поглотила Дели. Огромные звезды тускло мерцали в черно-синем небе и, будто повторяя сказочный рисунок Млечного Пути, тысячами дрожащих бледных огней загорелся Чандни-Чок — волшебая по красоте улица Лунного Света.

Дели